

«ГОЛОВАРЫ» ИЛИ «ИСТИННЫЕ БУРЯТЫ»?: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МАСКУЛИННОСТИ В БУРЯТИИ

*Вера Валериевна Галиндабаева**

Центр арктических и сибирских исследований, Социологический институт РАН

Цитирование: Галиндабаева В.В. (2017) «Головары» или «истинные буряты»? : репрезентации сельской маскулинности в Бурятии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 113–132.

Аннотация. В данной статье рассматривается то, как выстраиваются репрезентации сельской маскулинности в СМИ и Интернете в контексте иерархии маскулинностей, которая формируется на пересечении таких измерений социального неравенства как этничность и класс. Опираясь на зарубежные и отечественные исследования маскулинности, мы уже можем предположить, что структурные изменения аграрного сектора в России привели к падению престижа сельской занятости, а, следовательно, и к маргинализации сельского образца мужественности. Этничность также влияет на положение мужественности в сложившейся иерархии. Данная проблема исследуется на примере репрезентации сельской мужественности в СМИ республики Бурятия.

Ключевые слова: маскулинность, репрезентации маскулинности, сельские мигранты, этничность, Бурятия

Введение

В статье мы обращаемся к анализу медиа-репрезентаций маскулинности сельских мужчин, а также анализируем, как постсоветская трансформация сельского хозяйства повлияла на презентацию сельской мужественности в контексте иерархии региональных и локальных маскулинностей. Рыночные реформы начала 1990-х вызвали кризис сельского хозяйства, который особенно тяжело переживается в районах рискованного земледелия, где трудно развивать товарное фермерское хозяйство без поддержки государства (Калугина, 2000: 61–62). Введение новых форм организации аграрного производства, изменение условий сбыта сельскохозяйственной продукции с переходом от сбыта по гарантированным ценам к рыночному регулированию цен и спроса привело к поляризации сельскохозяйственных производителей, выделению небольшого числа крупных и успешных производителей, маргинализации значительной части мелких производителей, к росту скрытой безработицы в сельской местности и снижению среднего уровня жизни сельчан (Серов, Звягинцев 2006: 1).

* E-mail: v.galindabaeva@socinst.ru

Ситуация для большей части населения села не изменилась значительно и после 2000-х годов. Показатели по безработице для сельской местности превышают аналогичные показатели для городского населения в полтора-два раза. Продолжительность жизни также отстает от городских показателей. Доля семей с доходом ниже прожиточного уровня превышает аналогичный показатель для города в 2,5 раза. Во многих селах сегодня отсутствует крупный работодатель, который обеспечивал бы занятостью большую часть населения, как это делали колхозы и совхозы в советский период (Калугина, 2010. С. 126–128).

Итак, за последние двадцать лет значительно изменилась структура занятости на селе, так как аграрное производство перестало быть основным источником доходов для сельского населения. Многие мужчины, которые в советский период в основном были заняты в сфере сельского производства, с упадком аграрной организации, потеряли свои рабочие места, а с ними и роль главного кормильца семьи, закрепившуюся за ними в советский период. Сельские женщины, которые в советский период в основном были заняты в сфере образования, здравоохранения и муниципального управления, остались на своих рабочих местах и стали исполнять роль не второго, а главного кормильца для своих семей.

Однако, несмотря на такие кардинальные изменения в гендерном разделении труда, которое произошло за последние двадцать лет в селе, исследователи обходят проблему влияния постсоветской трансформации на репрезентацию сельской маскулинности. Исследователи уделяют основное внимание трансформации мужественности в постсоветском дискурсе (Здравомыслова, Темкина 2002) и в самопрезентациях инвалидов войны (Данилова 2001), нормативным образцам мужественности среднего класса (Чернова 2003, Авдеева 2012) и городской молодежи (Костерина 2010, Карбаинов 2009), маргинализированным образцам рабочего класса (Ashwin & Lytkina 2004, Kiblitckaya 2001 Ваньке 2016). Сельский мужчина остается в тени горожан и городского представления о мужественности.

Также недостаточно внимания уделяется влиянию такого фактора как этничность. Исследователи утверждают, что наряду с гегемонной маскулинностью, которая представляет собой культурный образец выражения мужественности в обществе, недостижимый для большинства мужчин, существуют так называемые подчиненные маскулинности различных уровней, которые зависят от таких социальных измерений, как этничность и класс. Если классовое измерение маскулинности так или иначе затрагивалось в работах социологов (Мещеркина 2002а, Кау 2005), то этничность оставалась за скобками, так как большинство исследований проводится в регионах европейской части России и представители традиционных этнических меньшинств не участвуют в социологических исследованиях.

Средства массовой информации наряду с Интернетом остаются важными агентами гендерной социализации и трансляции нормативных образцов мужественности. Как показывают исследования, интернет-пространство и социальные практики пользования Интернетом все больше влияют на социальный порядок и идентичность (Crampton 2003). Интернет-форумы не рассматриваются как часть СМИ, хотя некоторые исследователи считают такое деление искусственным и говорят о социальных СМИ, в которые включают не только социальные сети как Вконтакте, но и форумы (Miller et al. 2016). Однако в отличие от СМИ на Интернет-форумах достаточно высокая анонимность и слабая цензура. По этой причине на форумах представлены очень разные высказывания иногда даже экстремального содержания.

Цель данной статьи — выяснить, как репрезентируется сельской маскулинности в СМИ и Интернет-форумах. Этот вопрос нас будет интересовать в контексте иерархии маскулинностей, которая формируется на пересечении таких измерений социального неравенства как этничность и класс. Структура данной статьи выглядит следующим образом: сначала мы рассмотрим теоретическо-методологические подходы к изучению иерархии маскулинностей, в том числе и к сельской маскулинности; далее опишем объект и методы исследования; в завершение приведем результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, и выводы.

Теоретическая основа исследования

Множественная маскулинность

В данном исследовании мы используем концепт «гендер», который предложили в своих работах К. Уэст и Д. Зиммерман: данные исследователи утверждают, что «гендер создается» мужчинами и женщинами. Создание гендера (doing gender) включает в себя комплекс социально контролируемых действий (по восприятию, микрополитике и взаимодействию), целью которых становится выражение мужской и женской «природы» (Уэст, Зиммерман 2000: 194).

Теория практик Р. Коннелла является основной теоретической рамкой для данного исследования. Впервые о множественности форм проявления маскулинности заговорил Р. Коннелл. Власть в структуре гендера напрямую связана с маскулинностью, не все мужчины одинаково обладают властью, следовательно, существует иерархия в отношениях между мужчинами и, следовательно, в любом обществе функционирует иерархия маскулинностей (Коннелл 2005b: 296). Гегемонная маскулинность это наиболее общественно и культурно одобряемый образец мужественности, которому может соответствовать совсем небольшая группа мужчин, но который оказывает влияние на поведение большинства мужчин. Однако гегемонная маскулин-

ность представляется конкурентной ареной за господство между старыми и новыми формами маскулинности (Connell 1995, Мещеркина 2002b).

Коннелл выделяет три уровня гегемонной маскулинности: локальный, региональный и глобальный. Локальный уровень представляет микро-уровень социального взаимодействия «лицом-к-лицу». Региональный уровень — это макро-уровень культуры и национального государства. Следовательно, глобальный уровень представляют транснациональные арены. В данной статье мы обращаемся к исследованию только первых двух уровней (Connell, Messerschmidt 2005).

Таким образом, в нашем исследовании мы рассматриваем взаимосвязь регионального и локального уровней гегемонной маскулинности. Мы будем уделять внимание именно локальному уровню, представленному местными СМИ и Интернетом.

Сельские маскулинности: обзор исследований

Мы должны сразу признать существование множества сельских маскулинностей, которые неразрывно взаимосвязаны и неотделимы от городских моделей маскулинностей. Исследователи выделяют понятие сельских маскулинностей и сельского в маскулинности. В первом случае авторы рассматривают, как маскулинность конструируется в сельском сообществе и пространстве. Например, слово «фермер» всегда подразумевает мужчину, хотя женский труд является центральным для большинства аграрных форм производства. Во втором случае исследователи анализируют, как понятия сельского помогают создавать образ мужчины. Если первый тип сельской маскулинности укоренен в практиках и идеологиях повседневной жизни сельского сообщества, то второй тип представляет собой дискурс о сельском, который может быть использован в конструировании как городской, так и сельской маскулинности (Campbell, Bell 2000: 539-540).

Исследования сельской маскулинности в западных странах в первую очередь обращены к фермерству, традиционной для данных стран форме организации аграрного производства. Б. Брандт (Brandth 1995), Льеринс (Lierpins 2000) и другие авторы исследовали репрезентацию маскулинности фермера в разных европейских странах. Конвенциональная маскулинность фермера выстраивается вокруг образа труженика, который сражается с природными и экономическими трудностями и подчиняет себе природный ландшафт (Lierpins 2000). Однако, несмотря на видимую однородность и стабильность образа фермера, маскулинность трансформируется, отражая изменения, которые происходят в гендерных отношениях и аграрной сфере в целом (Brandth 1995).

Фермерство, образ которого остается господствующим в сельском пространстве, давно перестало быть главной занятием для сельских жителей.

Появились новые репрезентации села, в которых фермер и его хозяйство больше не занимает центрального положения. В современном сельском пространстве Европы существуют и другие формы занятости, с которыми связаны другие образцы маскулинности. Например, охота и другие виды деятельности, не связанные напрямую с аграрным производством, формируют альтернативные образцы сельской маскулинности, которые конкурируют с фермерской традиционной маскулинностью (Vue 2003).

Авторы рассматривают и противопоставление сельского мужчины и городского и приходят к выводу, что бинарная оппозиция сельского и городского, в которой сельское пространство представляется традиционным и неразвитым, а городское пространство рассматривается как пространство прогресса и цивилизации, значительно определяет подчиненное положение сельской мужественности относительно городской модели. Сельская маскулинность в данном контексте выступает не просто как альтернативная модель, а иногда и как маргинализованная (Stenbacka 2011).

Таким образом, сельские маскулинности формируются в контексте иерархии и взаимодействия с городскими маскулинностями. Следовательно, анализ репрезентации сельской мужественности неполон без упоминания его городского конкурента.

Этничность и маскулинность

Этничность и маскулинность представляют собой социальные конструкты, которые формируются во взаимосвязи друг с другом и даже в диалектике (Edwards 2006). Данная тема получила большое внимание в странах, в которых вопрос расовой дискриминации стоит особенно остро. Самым ярким примером, пожалуй, представляются Соединенные Штаты Америки. В США тема «черной» маскулинности (black masculinity) стала приобретать особую актуальность с середины 70-х гг. XX века. «Черная» маскулинность рассматривается как подчиненная модель мужественности относительно маскулинности городского белого мужчины среднего класса протестантского вероисповедания (Lemelle 2010). Исследования демонстрируют, что гегемония маскулинности белого мужчины среднего класса в США основана в первую очередь на противопоставлении и исключении мужчин афроамериканского происхождения, во вторую очередь, белых мужчин рабочего класса (Rochmar 2011). Следовательно, анализ маскулинности должен учитывать, как классовую, так и этническую / расовую системы стратификации общества.

Итак, маскулинность конструируется социально в процессе символических репрезентаций, выполнения социальных ритуалов, разделения труда и власти в семье и обществе. В обществе функционирует множество моделей мужественности, которые подчинены одному культурно господствующему

щему образцу — гегемонной маскулинности. Так сельская мужественность находится в подчиненном отношении к городской модели в индустриальных странах, маскулинность этнического большинства становится нормативной моделью, в то время как маскулинность этнического меньшинства маргинализируется или становится подчиненным образцом в полиэтническом обществе. Вслед за другими исследователями мы будем придерживаться разделения сельской маскулинности и сельского в маскулинности.

Гегемонная маскулинность в России

В исследованиях российских медиа-репрезентаций гегемонной маскулинности мы можем обнаружить два основных нормативных образа мужчины: образ «настоящего мужика» (Шабурова 2002) и образ «нового» настоящего мужчины (Чернова 1998, Ушакин 2002). Образ «нового» настоящего российского мужчины основан на достижении высокого статуса в профессиональной деятельности, на престижном, даже «демонстративном» потреблении и натурализованной гетеросексуальности (Чернова, 2001). Концепция профессионализма стала альтернативным источником формирования нового типа маскулинности в российском обществе, который близок к современной маскулинности западного типа (Ушакин 2002).

Если образ «нового» настоящего мужчины предназначается в первую очередь для представителей среднего и высшего класса, то образ «настоящего мужика» универсален. Его фигура представлена тотально в различных типах медиа. Мужик является значимой маркировкой русскости, то есть мужик по определению является русским, а сочетание «русский мужик» в современном русском языке звучит тавтологично. Он описывается через такие составляющие как потребление алкоголя в мужском коллективе, патриотизм, гетеросексуальность и гедонизм. В новых условиях трансформации у мужчин в российском обществе осталось немного альтернатив данному сценарию построения своей мужественности (Шабурова 2002).

Образ настоящего мужика рассматривается авторами как наиболее универсальная репрезентация гегемонной маскулинности в России, которая тесно связана с этничностью, а именно с русскостью. Образ нового настоящего мужчины не несет такой связи с этничностью, но зато подчеркивает связь с классом.

Опираясь на зарубежные исследования, мы уже можем предположить, что структурные изменения аграрного сектора в России привели к падению престижа сельской занятости, а, следовательно, и к маргинализации сельского образца мужественности. Этничность также влияет на положение мужественности в сложившейся иерархии. Таким образом, в нашем исследовании мы обращаемся к анализу репрезентаций мужественности в полиэтническом регионе.

Эмпирическая база исследования и методы анализа

В качестве эмпирического объекта исследования мы выбрали республику Бурятию, которая представляет собой полиэтнический регион: русские составляют 65% населения, буряты — 30%. В городе проживает 58%, в сельской местности — 42% (Об итогах...2012). В исследовании используются материалы СМИ и Интернет: республиканские газеты и данные интернет-форумов, анализ которых позволяет реконструировать конвенциональные образы бурятского мужчины, в том числе и бурята, который проживает в сельской местности и ведет сельский образ жизни. В статье мы приводим результаты анализа архива республиканской газеты «Информ Полис online» с 2001 по 2015г., которая публикуется на сайте и издается в печатной версии в столице республики г. Улан-Удэ и распространяется по районам республики.

В качестве интернет-источников были выбраны 3 сайта: «Сайт Бурятского народа» www.buryatia.org (СБН — дальше по тексту), сайт Вконтакте, группа: «Головары: За? Против? Кто они?» http://vk.com/los_golovarez и информационно-развлекательный портал «Головария» www.golovaria.ru. Материалы данных сайтов были выбраны для анализа, так как они предлагают весь набор существующих образов мужественности, которые свойственны республиканским дискурсам. На этих сайтах функционируют форумы, на которых желающие могут обсуждать различные вопросы. Для анализа были выбраны 15 тем, в рамках которых участник обсуждали образ настоящего бурятского мужчины, бурятские традиции разделения труда и власти в семье, обрусение бурят, образы сельских и городских бурят. В итоге в выборку вошло 17 газетных статей и 29 страниц форумов, на которых было оставлено 125 сообщений.

Выбранные тексты анализировались с помощью метода критического дискурс анализа. Дискурс рассматривается в данной статье как важная форма социальной практики, которая одновременно воспроизводит и изменяет значения, идентичности и социальные взаимоотношения (Филлипс 2008: 113, Кондаков 2015). Мы анализируем репрезентации бурята в рамках двух дискурсов — городского дискурса и дискурса национально-го возрождения. Городской дискурс сформировался в ходе строительства города Улан-Удэ и оформления городской среды в 70-80-е гг. Дискурс национального возрождения был привнесен в жизнь республики в 90-е гг. на волне распада СССР.

Таким образом, анализ дискурс-анализ архива газеты и интернет-форумов продемонстрирует, как сельскость и этничность используются на дискурсивном уровне в формировании образцов мужественности в контексте иерархии маскулинностей, сложившейся в данном регионе.

«Головары» или «истинные буряты»?

«Головар»

Необходимо сразу заметить, что «Головар» или «Гал» — это ярлык-стигма, который используется в отношении сельчан в рамках городского дискурса, и не является самоопределением сельских бурят. По мнению ряда авторов, данный ярлык появился в 60-70-е гг., когда бурятская сельская молодежь стала приезжать в город Улан-Удэ в первую очередь для получения образования. В это время в столице республики формировалась городская идентичность вместе с бурным строительством благоустроенного жилья и возникновением молодежных уличных группировок. Сельская молодежь не вписывалась в сложившиеся отношения по поводу городского пространства, поэтому городские начали звать сельчан «головарами». (Карбаинов 2004; Батомункуев 2005). Позднее в 1990-2000-е гг. это слово из молодежного сленга стало активно использоваться в отношении сельских мигрантов горожанами всех возрастов (Давыдов и др. 2006: 141 — 142).

О том, что данный ярлык применяется исключительно к бурятам выходцам из сельской местности, свидетельствуют и рассуждения форумчан, которые проводят различие между невоспитанным русским и невоспитанным бурятом: *«Стереотип «голоvara» именно как сельского бурята, думаю, сформировался из-за того что бурятское быдло живописнее быдло русского»* (Тема обсуждения: Ну че народ...) или *«если вы спросите у любого городского жителя, знающего эту тему, это слово имеет изначально одно идиотско-оскорбительное значение, оскорбляющее в первую очередь людей с акцентом — то бишь деревенских бурят, еще не утративших внешнюю инокультурность и инаковость, и могущих и умеющих отстаивать свое «я», свою «инаковость»»* (Тема: Якутск).

Анализ форумов показывает, что горожане рассматривают образовательную миграцию сельской молодежи главным источником пополнения рядов «головаров». Например, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени Филиппова и факультет бурятской филологии Бурятского государственного университета называются «заповедниками головаров», так как сельские выпускники школы традиционно составляют большую часть абитуриентов в эти вузы. Однако поступление в вуз и социализация в условиях города не влияют на сельчан, по мнению горожан, так как «головары» получают не образование, а диплом.

Конкуренция на рынке труда между горожанами и сельчанами также находится в центре обсуждения проблемы «головаризации» города. Дело в том, что горожане обвиняют сельчан в том, что они не способны честно конкурировать и поэтому используют родственно-земляческие связи, чтобы устроиться на работу. Основные виды работ, которые часто ассоцииру-

ются с «головарами», — это полицейские и другие силовые ведомства, где применение физического насилия является частью работы. Таким образом, главное отличие «городского» буряты от «гала» — это интеллект, поэтому к последнему относятся пренебрежительно и иногда даже не считают за конкурента в профессиональной деятельности.

Способность к физическому насилию также рассматривается как важный атрибут поведения сельчанина. Именно этим горожане объясняют тот факт, что спорт в республике развивается в первую очередь благодаря вовлечению сельских жителей. Сельчане лидируют в таком виде спорта, как национальная борьба, поэтому иногда его еще называют «борявым». Для «продвинутой молодежи» спорт не является приоритетным, так как, по их мнению, не требует особых интеллектуальных усилий. В отсутствии интеллекта «головар» не может занять себя чем-нибудь полезным, поэтому проявляет агрессию ко всем окружающим. *«На улице головара можно сразу увидеть полторашка и лицо лишенное интеллекта. не могут корректно задать вопрос, да и вообще не возможно разговаривать с ними»* (Тема обсуждения: Ну че народ...).

Широко представлена среди обсуждений и тема социализации бурят городских и сельских. Если городской бурят воспитан в «восточных» традициях, то «головар» просто не воспитан. Он нарушает все нормы поведения, принятые в общественных местах. Это те, *«кто пил пиво на «Санта-Барбаре»(название площадки за зданием Театра Оперы и Балета в г. Улан-Удэ — прим. авт.), шарашился по дискотекам, задираал сокурсников, вечно был избитый и от них несло перегаром после каждых выходных. Вот как таких «товарищей» не называть головарами? Их всех выгнали из универа к четвертому курсу, одного зарезали, один в тюрьме был... Каждый вечер перед моими окнами на детской площадке собираются такие вот люди: пьют пиво, тут же справляют малую нужду, мусорят, пристаюат к девушкам проходящим, как дойдут до кондиции, начинают борьбу устраивать, которая заканчивается потасовкой, а то и траву курят... Вот и приходится звонить в милицию и сообщать о таких личностях. А вообще хочется собрать народу побольше и отпинать таких вот головаристых субъектов»* (Тема: Гопники...).

Если на интернет форумах эта тема вызывает повышенный интерес и можно встретить много сообщений, то в региональной прессе, которую в нашей статье представляет газета Иформ Полис, она не так актуальна. Тема головаров затрагивалась в газете за последние 10 лет 4 раза. В статье-интервью «Эти странные «головары» с бурятским исследователем Сергеем Батомункуевым и в статье о современной улан-удэнской молодежи, рассказывается история возникновения данного ярлыка в процессе урбанизации населения Бурятии.

Интерес представляет новость о конференции, на которой обсуждалось положение малых сел. Заместитель председателя правительства республики

Бурятия по социальному развитию публично поднял проблему низкого престижа сельского хозяйства и связал её с городским дискурсом о «голоvaraх»: *«Все считают, что городской человек успешный, в городе прогресс, в городе — будущее. Деревенских как называют в городе? Что стесняетесь? Ведь всем это известно. «Головары». Так и есть. Это человек, мягко скажем, не совсем равный городскому. [...] Необходимо внедрение в массовое сознание идеи, что нет лучшей земли, чем наша родная земля. Не надо никуда бежать, можно добиться всего у себя. Надо понять, что деревенский образ жизни такой же успешный, как и городской. Человек может быть также успешен там, реализовать себя во всем, проживая на той земле, где он родился»* (Баир Бальжиров...) Впервые представитель республиканской власти публично признал доминирование данного дискурса и его отрицательное влияние на стереотипы о выходцах из села в городе.

Кроме чиновников республиканские деятели культуры признают существование стереотипа о деревенских бурятах и выносят его на уровень широкого искусства. Дело в том, что Бурятский драматический театр поставил спектакль с названием «Головар» к осени 2013 года. Так на эту новость отреагировали журналисты: *«Осенью выйдет спектакль по пьесе Ширибазарова. Брутальное название спектакля вполне обеспечит анишлаги и кассу. Оно простое и до боли родное — «Головар». И как бы смешно ни звучало, но в этом есть серьезная заявка на героя сегодняшнего дня. Головар — это наше сегодняшнее состояние, наша, к несчастью, национальная идея. Аморфное существо в норковой шапке «домиком» без прошлого и будущего, с хамским отношением к знаниям, культуре и людям»* (Николаева, Тармаханов 2012).

Таким образом, маскулинность сельского бурята в рамках городского дискурса стигматизируется и противопоставляется маскулинности горожанина. Городской дискурс доминирует в республике на фоне кризиса аграрной сферы и массового притока сельских мигрантов, которые переезжают в город в поисках работы и средств выживания. В условиях города, в котором доминирует русский язык и приняты другие социальные правила взаимодействия, сельская маскулинность бурят подвергается маргинализации. Однако, как мы указывали в теоретической части статьи, взаимодействие этничности и класса по-разному может оказывать влияние на формирование маскулинностей, и далее мы будем рассматривать, каким образом маргинальная маскулинность сельчанина приобретает противоположную оценку в рамках национального дискурса.

Истинный бурят

Образ «голоvara» конкурирует в интернет пространстве с образом «истинного бурята», который радикально отличается от первого. В данном случае определение «истинный» употребляется в значении неиспорченный,

подлинный. Образ «истинного буряты» формируется в дискурсе национального возрождения, который был привнесен в повседневность национальной элитой республики в 90-е гг.

В рамках дискурса национального возрождения все те черты сельчанина, которые осуждаются в городском дискурсе, приобретают противоположное значение. Сельчанин рассматривается как настоящий неиспорченный руссификацией представитель бурятского народа, потому что он знает и говорит на своем родном языке. Так, например, высказался по поводу «голова́ров» пользователь Montag_451 в теме «Их уголовная культура нам чужда! Опомнитесь!»: *«Сегодня шел домой, и увидел такую картину: две «Чавы»(русский и к сожалению — бурят) откровенно докапываются до нашего — деревенского парня, истинного буряты, который знает свой язык, и плевать как он говорит на русском. [...] И как, скажите мне КАК? Можно называть настоящих бурят, голова́рами? ну научите, объясните, в конце концов мы все были такими, и такими останемся в подсознании»* (Тема: Их уголовная культура...). Данный тезис поддерживается и в других темах форума: *«Действительно, может быть пора прекратить порочную практику всего, что связано с бурятской культурой или идеей относить к кохозному и голова́рскому. Они, сельчане и есть хранители души народа»* (Тема: Поклонникам голова́ров...).

Сельчанин следует своим национальным традициям, частью которых является традиционный вид спорта — национальная борьба «бухэ барилдан». Большинство спортсменов, которые участвуют в турнирах, являются выходцами из сельской местности. Многие из них успешно участвуют в национальных и международных турнирах, представляя Бурятию и Россию: *«...еще сейчас вспомнил, как мой братишка из далекой деревни, нынче уже известный спортсмен, защищавший честь не только Бурятии, но и России, рассказывал, с чем он столкнулся по поступлению в институт в УУ сразу после школы. такое облако намеков со стороны многих горожан на их неполноценность, ...»* (Тема: Худонские VS городские...).

Именно в данном дискурсе горожане вспоминают, что буряты стали жить в городе только в советский период, поэтому у многих горожан есть родственники, проживающие в селе, которых они рассматривают как хранителей традиций: *«а я во втором поколении городская. и при общении с родственниками из деревни — есть проблемы (именно потому что хотела написать здесь»траблы)» — бурятский знаю плохо, хотя пытаюсь поддерживать разговор. но ведь они мои родственники, как же их можно голова́рами называть? у каждого даже самого цивилизованного буряты есть такие живые корни»* (Тема: Обсуждаем Улан-Удэ...).

Таким образом, дискурс национального возрождения переосмысливает и интерпретирует по-другому те качества, которые негативно оцениваются

в рамках городского дискурса: например, незнание русского языка рассматривается положительно, так как является признаком прекрасного владения родным национальным языком и т.п. Городской дискурс в данной перспективе теряет свою легитимность, потому что рассматривается как результат русификации и ассимиляции бурят.

Заключение

В статье мы проанализировали репрезентации сельской маскулинности, которые представлены на форумах и в региональной прессе, и попытались показать, как сельскость и этничность оказывают влияние на формирование образцов мужественности в контексте иерархии маскулинностей.

В результате дискурс-анализа материалов форумов и прессы мы увидели, что в разных локальных контекстах одни и те же символы и образцы мужественности интерпретируются по-разному. Региональный уровень маскулинности задает культурную рамку, однако на локальном уровне множество моделей маскулинностей инкорпорируют разные образцы и значения, которые приписываются единой модели гегемонной маскулинности регионального уровня. Так, достижение высокого профессионального статуса является важным символом мужественности в рамках городского дискурса, в то время как для дискурса национального возрождения более важным атрибутом мужественности является не достижение высокого социального статуса в городе, а сохранение национальной самобытности. Спорт также в рамках двух репрезентаций получает разное значение. С одной стороны, участие в спортивных соревнованиях рассматривается, как признак отсутствия интеллекта, а с другой стороны, участие в национальных видах спорта опять же рассматривается с точки зрения сохранения национальной идентичности.

Таким образом, наше исследование показывает, что городской дискурс, в рамках которого доминирует русский язык и культура, маргинализирует маскулинность сельского бурята и ставит в господствующее положение горожанина. Дискурс национального возрождения меняет властные отношения в иерархии маскулинностей.

Однако наше исследование продемонстрировало не только то, как маскулинности локального уровня инкорпорируют символы и значения регионального уровня, но и то, как этнический фактор делает значимыми те правила и смыслы, которые неактуальны на региональном уровне. Например, знание русского языка рассматривается как само собой разумеющееся в условиях российского общества, а для представителей этнического меньшинства владение русским языком уже проблематизируется.

* * *

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Проживание в этнических кварталах как стратегия адаптации сельских мигрантов в постсоветском городе (на примере сквоттерских поселений Улан-Удэ)» № 17-33-01160.

Литература

Авдеева А.В. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Ваньке А., Тартаковская И. (2016) Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности. *Мир России*, 25(4): 136–153.

Данилова Н. (2001) Трансформация мужественности в «проективной» и «реальной» карьере инвалида войны. *Гендерные исследования*, 6(1): 259–271.

Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. (2006) *Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: Присвоение культурных ландшафтов*. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2002) Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. Ушакин. С. (сост.) *О муже[N]ственности: сборник статей*. М.: НЛО: 432–451.

Карбаинов Н.И. (2004) «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города). *Вестник Евразии*, 2: 170–183.

Карбаинов Н.И. (2009) «Эй, хунхуз куда идёшь?! Здесь братва и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ. Громов Д.В. (сост.), Н.Л. Пушкарева (отв. ред.) *Молодежные уличные группировки: введение в проблематику*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН: 132–148.

Кондаков А.А. (2015) Отражение миграционной политики в официальной прессе: субъекты в медиа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология, социология, педагогика*, 1: 147–154.

Коннелл Р. (2005а) Основные структуры: труд, власть, катексис. Тартаковская И.Н. (сост.) *Гендерная социология. Хрестоматия по курсу*. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор».

Коннелл Р. (2005b) Маскулинности и Глобализация. Тартаковская И.Н. (сост.) *Гендерная социология. Хрестоматия по курсу*. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор».

Костерина И.В. (2010) Практики маскулинности в молодежных группах. *Социологические исследования*, 1: 116–126.

Мещеркина Е.Ю. (2002а) «Бытие мужского сознания»: Опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса. Ушакин. С. (сост.) *О муже[N]ственности: сборник статей*. М.: НЛО: 268–288.

Мещеркина Е.Ю. (2002b) Социологическая концептуализация маскулинности. *Социологические исследования*, 11: 15–26.

Серов Е.В., Звягинцев Д.В. (2006) Альтернативная занятость в сельской местности. *Мир России*, 15(4): 3–34.

Тартаковская И.Н. (2007) Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла. Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллектив. моногр.* СПб.: Издательство ЕУСПб.

Уэст К., Зиммерман Д. (2000) Создание гендера. Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы.* СПб.: Дмитрий Буланин: 193–220.

Ушакин С. (2002) Видимость мужественности. Ушакин. С. (сост.) *О муже[N]ственности: сборник статей.* М.: НЛО: 479–503.

Филлипс Л., Йоргенсен М.В. (2008) *Дискурс анализ: теория и метод.* Харьков: Гум. Центр.

Чернова Ж.В. (2001) *Репрезентация гегемонной маскулинности в современном российском медиа-дискурсе.* Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Саратов.

Чернова Ж. (2003) «Корпоративный стандарт» современной мужественности. *Социологические исследования*, 2: 97–103.

Ярская-Смирнова Е. (2002) Мужество инвалидности. Ушакин. С. (сост.) *О муже[N]ственности: сборник статей.* М.: НЛО: 106–126.

Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*, 18(2): 1–29.

Brandth B. (1995) Rural masculinity in transition: gender images in tractor advertisements. *Journal of Rural Studies*, 11(2): 123–133.

Bye L.M. (2003) Masculinity and rurality at play in stories about hunting. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*, 57: 145–153.

Bye L.M. (2009) 'How to be a rural man': Young men's performances and negotiations of rural masculinities. *Journal of Rural Studies*, 25: 278–288.

Campbell H., Bell M.M. (2000) The question of rural masculinities. *Rural Sociology*, 65(4): 215–233.

Connell R.W. (2005) Messerschmidt J.W. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender and Society*, 19(6): 829–859.

Crampton J. (2003) *The Political Mapping of Cyberspace.* Chicago: University of Chicago Press.

Edwards T. (2006) *Cultures of masculinity.* London and NY.: Routledge.

Kay R. (2005) *Men in contemporary Russia: the fallen heroes of post-Soviet change?* Cornwall: Ashgate.

Leipins R. (2000) Making men: the construction and representation of agriculture based masculinities in Australia and New Zealand. *Rural Sociology*, 65(4): 605–620.

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S. (2016) *Xinyuan Wang Chapter Title: What is social media?* UCL Press.

Stenbacka S. (2011) Othering the rural: About the construction of rural masculinities and the unspoken urban hegemonic ideal in Swedish media. *Journal of Rural Studies*, 27(3): 235–244.

Lemelle J.A. (2010) *Black masculinity and sexual politics*. NY.: Routledge.

Pochmara A. (2011) *American Studies: Making of the New Negro: Black Authorship, Masculinity, and Sexuality in the Harlem Renaissance*. Amsterdam, NLD: Amsterdam University Press.

Эмпирические источники

Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года (2010): Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Сайт «Всероссийская перепись населения — 2010» // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 28.02.2013).

Тема: Поклонникам головаров // «Сайт бурятского народа». URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=1758&start=30&postdays=0&postorder=asc&highlight=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80> (дата обращения 28.02.2013).

Тема: Якутск // «Сайт бурятского народа». URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&p=572716&highlight=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80#572716> (дата обращения 28.02.2013).

Тема: Их уголовная культура нам чужда! Опомнитесь! // «Сайт бурятского народа» URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&p=663996&highlight=%D0%B4%D0%BE%D1%91%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%82%D1%81%D1%8F#663996> (дата обращения 28.02.2013).

Тема: Обсуждаем Улан-Удэ! // «Сайт бурятского народа» URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&p=73205&highlight=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80#73205> (дата обращения 28.02.2013)

Эти странные головары — *Информ-Полис* (материал опубликован на сайте 22.10.2009 в разделе «Общество») URL: http://www.infpol.ru/news/673/24174.php?sphrase_id=114760 (дата обращения 15.02.2013).

Современные зунтугло головары и прочие... — *Информ-Полис* (материал опубликован на сайте 03.12.2003 в разделе «Новости») URL: http://www.infpol.ru/news/428/2768.php?sphrase_id=114760 (дата обращения 15.02.2013).

Хандажапов vs. “головары” — *Информ-Полис* (материал опубликован на сайте 24.07.2009 в разделе «Новости») URL: http://www.infpol.ru/news/689/21800.php?sphrase_id=114760 (дата обращения 15.02.2013).

Баир Бальжиров: “Деревенских как называют в городе? Головары” — *Информ-Полис* (материал опубликован на сайте 21.03.2011 в разделе «Общество») // http://www.infpol.ru/news/673/64943.php?sphrase_id=114760 (дата обращения 15.02.2013).

Николаева Т. Тармаханов А. (2012) Головары — это наша национальная идея — Молодежь Бурятии (05.12.2012) // Сайт издательского дома Буряад

Унэн. URL: http://burunen.ru/articles/detail.php?ELEMENT_ID=1235 (дата обращения 03.03.2013)

Тема: Ну че народ кто против головаров и почему?» // гр. «Головары: За? Против? Кто они?» // сайт *ВКонтакте* // URL: http://vk.com/los_golovarez (дата посещения 20.12.2012).

Тема: Гопники и Чавы Бурятии // Сайт *Бурятского народа* // URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=15888&highlight=%D0%B3%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8> (дата посещения 20.12.2012).

Отличительные черты головаров // *Информационно-развлекательный портал «Головария»* // URL: www.golovaria.ru (дата посещения 20.12.2012).

Батомункуев С.Д. (2005) Урбанизация по-деревенски. Улан Удэ грозит рурализация. *Город Газета соучастия*, 1: 6.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010: Доклад. Под. Ред. Л.А. Мунаева (2012) Улан-Удэ: Бурятстат.

«GOLOVARS» OR «TRUE BURYATS»?: REPRESENTATION OF RURAL MASCULINITY IN BURYATIA

Vera Galindabaeva*

Center for Arctic and Siberian Studies, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Galindabaeva V.V. (2017) «Golovary» ili «istinnyye buryaty»? : reprezentatsii sel'skoy maskulinnosti v buryatii [«Golovars» or «True Buryats»? : Representation of Rural Masculinity in Buryatia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 113–132 (in Russian).

Abstract: This article examines how the representations of rural masculinity in the media and the Internet are built in the context of the hierarchy of masculinity that is formed at the intersection of such dimensions of social inequality as ethnicity and class. Relying on foreign and domestic studies of masculinity, we can already assume that structural changes in the agrarian sector in Russia have led to a decline in the prestige of rural employment, and, consequently, to the marginalization of the rural model of masculinity. Ethnicity also affects the position of masculinity in the current hierarchy. This problem is explored by the example of the representation of rural masculinity in the media of the Republic of Buryatia.

Keywords: masculinity, representations of masculinity, rural migrants, ethnicity, Buryatia

References

- Ashwin S., Lytkina T. (2004) Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization. *Gender and Society*, 18(2): 1–29.
- Avdeeva A.V. (2012) “Vovlechennoye otcovstvo” v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v uhode za det'mi [“Involved paternity” in modern Russia: strategies for participation in childcare]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 11: 95–104 (in Russian).
- Brandth B. (1995) Rural masculinity in transition: gender images in tractor advertisements. *Journal of Rural Studies*, 11(2): 123–133.
- Bye L.M. (2003) Masculinity and rurality at play in stories about hunting. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*, 57: 145–153.
- Bye L.M. (2009) ‘How to be a rural man’: Young men’s performances and negotiations of rural masculinities. *Journal of Rural Studies*, 25: 278–288.
- Campbell H., Bell M.M. (2000) The question of rural masculinities. *Rural Sociology*, 65(4): 215–233.
- Chernova Zh.V. (2001) *Reprezentatsiya gegemonnoy maskulinnosti v sovremennom rossiyskom media-diskurse* [Representation of hegemonic masculinity in the contemporary Russian media discourse]. Avtoref. diss.... cand. soc. nauk. [Author’s abstract thesis on candidate of sociological sciences]. Saratov (in Russian).
- Chernova Zh.V. (2003) “Korporativnii standart” sovremennoy muzhestvennosti [“Corporate standard” of modern masculinity]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2: 97–103 (in Russian).

* E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

Connell R. (2005a) “Osnovnye struktury: trud, vlast', kateksis” [“Basic structures: labor, power, cathexis”]. In: Tartakovskaya I.N. (ed.) *Gendernaya sociologiya. Hrestomatiya po kursu* [Gender sociology. Reading book.]. M.: ООО «Variant» with the participation of ООО «Nevskii Prostor» (in Russian).

Connell R. (2005b) Maskulinnosti i Globalizatsiya [Masculinity and Globalization]. In: Tartakovskaya I.N. *Gendernaya sociologiya. Hrestomatiya po kursu* [Gender sociology. Reading book.]. M.: ООО «Variant» with the participation of ООО «Nevskii Prostor» (in Russian).

Connell R.W. (2005) Messerschmidt J.W. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept. *Gender and Society*, 19(6): 829–859.

Crampton J. (2003) *The Political Mapping of Cyberspace*. Chicago: University of Chicago Press.

Danilova N. (2001) Transformatsiya muzhestvennosti v “proyektivnoy” i “real'noy” kar'yere invalida voyni [Transformation of masculinity in the “projective” and “real” careers of a disabled veteran]. *Gendernyye issledovaniya* [Gender Studies], 6: 259–271 (in Russian).

Davydov V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Tselishcheva V.G. (2006) *Aginskaya street, tanets s ognem i alyuminievie strely: Prisyoyeniye kul'turnykh landshaftov* [Aginskaya street, dance with fire and aluminum arrows: Assignment of cultural landscapes]. Khabarovsk: Khabarovsk Scientific Center, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk Krai Local History Museum N.I. Grodekova (in Russian).

Edwards T. (2006) *Cultures of masculinity*. London and NY.: Routledge.

Karbainov N.I. (2004) “Gorodskiy” i “golovary” v Ulan-Ude (molodezhnye subkul'tury v bor'be za social'noye prostranstvo goroda) [“Urban” and “golovary” in Ulan-Ude (youth subcultures in the struggle for the social space of the city)]. *Vestnik Yevrazii* [Bulletin of Eurasia], 2: 170–183 (in Russian).

Karbainov N.I. (2009) “Jej, hunhuz kuda idjosh'?! Zdes' bratva i ty umresh'!”: “ulichnye vojny” v Ulan-Ude [“Hey, where are you going? Here are bratva and you will die!”: “Street wars” in Ulan-Ude]. In: Gromov D.V. (comp.), Pushkarev N.L. (ed.) *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [Youth street gangs: an introduction to the problem]. M.: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences: 132–148 (in Russian).

Kay R. (2005) *Men in contemporary Russia: the fallen heroes of post-Soviet change?* Cornwall: Ashgate.

Kondakov A.A. (2015) Otrazheniye migratsionnoy politiki v ofitsial'noy presse: sub'yekty v media [Reflection of migration policy in the official press: subjects in the media]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya, sociologiya, pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology, Sociology, Pedagogy]. Series 12. Issue. 1: 147–154 (in Russian).

Kosterina I.V. (2010) Praktiki maskulinnosti v molodezhnykh gruppah [Practices of masculinity in youth groups]. *Sociologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 1: 116–126 (in Russian).

Leipins R. (2000) Making men: the construction and representation of agriculture based masculinities in Australia and New Zealand. *Rural Sociology*, 65(4): 605–620.

Lemelle J.A. (2010) *Black masculinity and sexual politics*. NY.: Routledge.

Meshcherkina E.Yu. (2002a) “Bytie muzhskogo soznaniya”: Opyt rekonstrukcii maskulinnoy identichnosti srednego i rabocheho klassa [“The existence of the male consciousness”: The experience of reconstructing of the masculine identity of the middle and working class]. In: Oushakine S. (ed.) *O muzhe[N]stvennosti: sbornik statey* [About the muzhe[N]stvennosti: collection of articles]. M.: NLO: 268–288 (in Russian).

Meshcherkina E.Yu. (2002b) Sotsiologicheskaya kontseptualizatsiya maskulinnosti [Sociological conceptualization of masculinity]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 11: 15–26 (in Russian).

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S. (2016) *Xinyuan Wang Chapter Title: What is social media?* UCL Press.

Oushakine S. (2002) Vidimost' muzhestvennosti [Visibility of masculinity] In: Oushakine S. (ed.) *O muzhe[N]stvennosti: sbornik statey* [About the muzhe[N]stvennosti: collection of articles]. M.: NLO: 479–503 (in Russian).

Phillips L., Jorgensen M.V. (2008) *Diskurs analiz: teoriya i metod* [Discourse analysis: theory and method]. Kharkov: Gum. Center (in Russian).

Pochmara A. (2011) *American Studies: Making of the New Negro: Black Authorship, Masculinity, and Sexuality in the Harlem Renaissance*. Amsterdam, NLD: Amsterdam University Press.

Serov E.V., Zvyaginets D.V. (2006) Al'ternativnaya zanyatost' v sel'skoy mestnosti [Alternative employment in rural areas]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 15(4): 3–34 (in Russian).

Stenbacka S. (2011) Othering the rural: About the construction of rural masculinities and the unspoken urban hegemonic ideal in Swedish media. *Journal of Rural Studies*, 27(3): 235–244.

Tartakovskaya I.N. (2007) Gendernaya teoriya praktik: podhod R. Konnella [Gender theory of practices: R. Connell's approach]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podkhod: Kollektivnaya monografiya* [Russian gender order: sociological approach: Collective monograph]. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).

Vanke A., Tartakovskaya I. (2016) Transformacii maskulinnosti rossiyskikh rabochikh v kontekste sotsial'noy mobil'nosti [Transformations of masculinity of Russian workers in the context of social mobility]. *Mir Rossii* [World of Russia], 25(4): 136–153 (in Russian).

West K., Zimmerman D. (2000) Sozdaniye genera [Creation of gender]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Khrestomatiya feministских текстов. Perevody* [Reader of feminist texts. Translations]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin: 193–220 (in Russian).

Yarskaia-Smirnova E. (2002) Muzhestvo invalidnosti [Courage of disability]. In: Oushakine S. (ed.) *O muzhe[N]stvennosti: sbornik statey* [About the muzhe[N]stvennosti: collection of articles]. M.: NLO: 106–126 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Crisis of masculinity in the late Soviet discourse] In: Oushakine S. (ed.) *O muzhe[N]stvennosti: sbornik statey* [About the muzhe[N]stvennosti: collection of articles]. M.: NLO: 432–451 (in Russian).